Все дороги ведут в Париж

Кира Си

18+

Кира Си

Все дороги ведут в Париж

«Автор»
2026

Си К.

Все дороги ведут в Париж / К. Си — «Автор», 2026

Элианна Вейр приезжает в Париж с одним чемоданом, временным контрактом и письмом покойной бабушки. В письме — старый адрес и фраза: «Если однажды потеряешь дорогу, иди туда, где всё начиналось».Арсен Деверо возвращается в город, который когда-то поклялся покинуть навсегда. После смерти отца ему достался заброшенный кинотеатр «Северная звезда» — место, полное воспоминаний и недосказанностей. Арсен собирается продать его и уехать. Только сначала нужно закончить работу над проектом, который должен дать кинотеатру последний шанс.Элианна восстанавливает старую карту в фойе. Арсен сочиняет музыку для открытия. Их первая встреча начинается с размолвки, а продолжается чередой случайных пересечений: в ночном метро, под одним зонтом, на пустой набережной и в крошечной кофейне, где им почему-то всегда достаётся столик у окна.Париж будто прокладывает между ними маршрут. Но даже если судьба сводит двоих раз за разом, выбрать друг друга им предстоит самим.

© Си К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Последний поезд 5
Глава 2. Человек, который уезжает 8
Глава 3. «Северная звезда» 11
Глава 4. Неверный поворот 15
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Все дороги ведут в Париж

Глава 1. Последний поезд

Когда поезд замедлил ход, Элианна Вейр уже не спала.

За окном тянулись чёрные стены, редкие огни и мокрые рельсы, блестевшие в темноте. Поезд входил в Париж так тихо, словно не хотел никого будить. Элианна прижала лоб к стеклу. В отражении напротив неё сидела незнакомая женщина: бледная, с растрепавшимися тёмными волосами и складкой между бровей, которую она раньше замечала только у бабушки.

— Gare de Lyon, — объявил голос из динамика. — Конечная станция.

Элианна перевела взгляд на чемодан. Один. В нём помещалась вся её жизнь последних трёх недель: несколько платьев, рабочий фартук, коробка с кистями и инструменты для реставрации, которые она не смогла оставить даже после закрытия мастерской.

Мастерскую закрыли в конце октября. Владелец написал всем сотрудникам короткое письмо: аренда выросла, заказов стало меньше, решения уже не изменить. В тот день Элианна закончила работу над старинным атласом, вымыла кисти и задержалась у верстака, словно тот мог попросить её остаться.

Не попросил.

Она выключила свет, заперла дверь и вышла под дождь. За спиной остались запах клея, пыль на оконных рамах и восемь лет, которые она всё ещё не умела назвать прошлыми.

В Париж её привёл временный контракт на реставрацию старой карты в одном из городских культурных фондов. Работа была на несколько месяцев. Достаточно, чтобы не возвращаться к родителям с признанием, что она пока не знает, что делать дальше. Недостаточно, чтобы чувствовать себя уверенно.

Поезд остановился. Элианна сняла чемодан с полки и проверила карман пальто.

Письмо было на месте.

Оно лежало в маленьком конверте цвета слоновой кости, сложенное пополам и потёртое по краям. Бабушка отдала его ей прошлой зимой, незадолго до смерти. Тогда Элианна убрала конверт в ящик стола, решив, что откроет позже — когда будет готова услышать то, что бабушка не успела сказать вслух.

Она так и не почувствовала себя готовой.

На перроне пахло железом, сыростью и кофе. Элианна потянула чемодан за собой, лавируя между пассажирами. Париж встречал её не фанфарами и не открытками — только холодным воздухом, спешащими людьми и объявлением о последнем поезде метро.

Она опоздала на него.

У выхода со станции Элианна остановилась под навесом и открыла приложение с картами. Введённый адрес снова не нашёлся.

17, passage des Orfèvres.

Она проверила написание. Потом ещё раз — по бабушкиному письму, выведенному тонкими, чуть наклонёнными буквами. Адрес был именно таким.

На экране появилось сообщение: «Место не найдено».

— Прекрасно, — пробормотала Элианна. — Даже город считает, что мне туда не надо.

Она вызвала такси до гостиницы, но, пока ждала, всё-таки достала письмо.

Внутри оказалось несколько строк:

Моя дорогая Элианна.

Если однажды потеряешь дорогу, иди туда, где всё начиналось.

Найди Passage des Orfèvres, дом семнадцать. Не ищи его на новых картах. Старые пути иногда исчезают не потому, что исчезло место.

И не бойся свернуть не туда.

Бабушка.

Внизу, под подписью, была нарисована тонкая золотистая линия. Не украшение и не случайная черта: она изгибалась, пересекала другую, снова меняла направление и заканчивалась крошечной звёздочкой.

Элианна знала этот знак. В детстве бабушка рисовала его на полях книг, на обратной стороне открыток, на обёртках от шоколада. Когда Элианна спрашивала, что это, та отвечала:

— Дорога, которая всегда приводит куда нужно.

Тогда это казалось игрой. Теперь — загадкой, оставленной слишком поздно.

Такси подъехало, и письмо снова исчезло в кармане пальто.

В гостинице Элианну встретил усталый администратор с добрым лицом. Он выдал ключ от крошечного номера на пятом этаже и пожелал хорошего вечера, хотя вечер почти закончился. Из окна комнаты был виден кусок крыши, антенна и светящееся окно соседнего дома.

Элианна поставила чемодан у стены. Снимать пальто не хотелось. Она села на край кровати, достала телефон и снова набрала адрес. Ничего.

Затем она открыла старую фотографию письма, которую сделала ещё дома, и увеличила изображение. На обороте конверта проступала бледная надпись, которую она раньше не замечала. Всего одно слово:

Étoile.

Звезда.

Сон не шёл. Через полчаса Элианна снова была на улице, теперь уже с адресом, переписанным в блокнот, и распечатанной схемой старого Парижа, которую нашла в интернете. Бумага пахла чернилами и офисным принтером. На ней не было нужного переулка — только короткая пунктирная линия, обрывавшаяся у большого серого квартала.

Она шла медленно, сверяясь с улицами. Париж менялся вокруг неё: широкие проспекты с редкими машинами уступали узким улочкам, где из окон тянулся свет, а на закрытых ставнях блестели капли дождя. Город не казался приветливым, но и чужим — тоже. Скорее, он смотрел на неё с терпением человека, который знает, что она всё равно вернётся.

На углу Элианна остановилась у закрытой булочной и разложила схему на капоте припаркованной машины. Золотая линия на письме бабушки всплыла в памяти. Она провела пальцем по маршруту, пытаясь представить, как он лёг бы на карту.

— Вы ищете что-то конкретное?

Элианна подняла голову. В нескольких шагах от неё стоял пожилой мужчина с собакой. Собака внимательно изучала её чемодан.

— Passage des Orfèvres, — сказала Элианна. — Дом семнадцать.

Мужчина нахмурился, будто услышал название из давно забытого сна.

— Такого прохода больше нет, — ответил он. — Его закрыли много лет назад. Но если пройти за старый кинотеатр, там осталась арка. Иногда кажется, что за ней ещё одна улица.

— А где кинотеатр?

Он показал рукой в сторону переулка.

Элианна поблагодарила его и свернула туда, куда он указал.

Улица становилась всё уже. В конце её темнело массивное здание с высокими окнами. Над входом едва угадывались буквы старой вывески — почти стёртые, но всё ещё различимые в свете уличного фонаря.

ÉTOILE DU NORD.

Северная звезда.

За зданием, как и обещал незнакомец, пряталась арка. Она была почти полностью затянута плющом. За ней начинался узкий проход, упиравшийся в закрытые ворота. Элианна

посветила телефоном на стену и заметила металлическую табличку. Надпись на ней стерлась, но под слоем грязи угадывались цифры.

17.

Она коснулась таблички кончиками пальцев.

Никакого чуда не произошло. Дверь не распахнулась, дождь не прекратился, и город не объяснил, почему бабушка отправила её именно сюда.

Но где-то далеко, за окнами старого здания, раздался звук фортепиано.

Всего несколько нот — тихих и неуверенных. Потом музыка оборвалась.

Элианна замерла, вслушиваясь в тишину.

Ей следовало вернуться в гостиницу. Завтра рано вставать, знакомиться с руководителем фонда, начинать новую работу. У неё не было причин стоять в ночном переулке перед запертой аркой и ждать, что незнакомый адрес откроет ей смысл бабушкиного письма.

И всё же она не уходила.

В кармане пальто шуршал конверт. Впервые за долгие месяцы Элианне показалось, что она не просто приехала в новый город, чтобы начать всё заново.

Возможно, её сюда кто-то привёл.

Или что-то.

Глава 2. Человек, который уезжает

Арсен Деверо не любил вокзалы.

Они всегда казались ему местами, где люди слишком долго прощаются или слишком поздно понимают, что уже опоздали. Сам он предпочитал уходить без свидетелей: закрыть дверь, оставить ключ на столе и не оборачиваться.

Но из Парижа он уехал не так.

Тогда ему было двадцать три. Отец стоял на перроне, сунув руки в карманы пальто, и смотрел, как Арсен поднимается в поезд. Не попросил остаться. Не пожелал удачи. Только сказал:

— Ты ещё вернёшься.

Арсен ответил, что нет.

Отец оказался прав.

Сейчас, через тринадцать лет, Арсен снова стоял на вокзале с дорожной сумкой у ног. Только отца уже не было. Он умер десять дней назад — тихо, во сне, в своей квартире над старым кинотеатром. Соседка нашла его утром, когда принесла газету и увидела, что свет не горит.

Арсен приехал на похороны, подписал бумаги, выслушал соболезнования людей, чьих имён почти не помнил, и уехал обратно в Лион. Но утром ему позвонил нотариус: покупатели хотели осмотреть «Северную звезду» лично. Если Арсен собирался продать здание, лучше было присутствовать.

Он собирался.

Кинотеатр принадлежал его семье почти семьдесят лет. Когда-то там показывали первые фильмы с французскими субтитрами, потом — старое кино по пятницам, потом — всё реже и реже. Последние годы отец открывал зал только по особым случаям. Арсен не знал, что именно считать особым случаем. День рождения? Похороны? Последний сеанс перед продажей?

На платформе объявили прибытие поезда. Арсен подхватил сумку.

Париж встретил его дождём, который шёл так ровно, будто город заранее решил не делать из возвращения события. Машины шуршали по мокрой дороге, люди торопились под зонтами. Никто не смотрел на Арсена. Это было удобно.

Он взял такси.

— Куда? — спросил водитель.

Арсен назвал адрес кинотеатра.

Когда машина свернула на узкую улицу, он увидел знакомую вывеску. Буквы на ней выцвели ещё сильнее, чем в его памяти. Над входом темнела звезда с облупившимися лучами. Арсен помнил, как отец запрещал ему лазить на крышу, и как он всё равно забирался туда через пожарную лестницу. Помнил зимний воздух, холодный металл и город, который внизу казался бесконечным.

Теперь здание выглядело меньше.

Арсен расплатился, достал ключи и открыл боковую дверь. Внутри пахло пылью, сырой штукатуркой и старой древесиной. Запах детства, если детство длится достаточно долго, чтобы начать пахнуть заброшенным домом.

Он включил свет в фойе. Лампочки загорелись не все. У стены стоял отцовский стол, на нём — коробка с афишами, несколько писем и тяжёлая латунная пепельница, хотя отец не курил уже много лет.

Арсен не стал разбирать вещи. Не за этим он приехал.

Нотариус прислал документы заранее. На столе лежал проект договора: продажа здания вместе с залом и всем, что в нём осталось. Покупатели хотели превратить кинотеатр в

гостиницу с ресторанами на первом этаже. Они обещали сохранить фасад. В письме это было названо уважением к истории.

Арсен перечитал пункт, где говорилось, что внутреннее пространство можно полностью перестроить.

Он поставил подпись.

Потом ещё раз перечитал написанное и отложил ручку.

— Ты бы подписал быстрее, — сказал он пустому фойе.

Ответа, конечно, не было.

На втором этаже, в квартире отца, всё ещё стояли на местах часы, фотографии и чашки. Арсен прошёл по комнатам, не включая свет. В спальне на прикроватном столике лежал открытый футляр для очков. На кухне в сушилке стояла одна тарелка. Отец словно просто вышел ненадолго и мог вернуться с хлебом, забыв снова закрыть за собой дверь.

Арсен отвернулся.

В своей старой комнате он обнаружил пианино. Небольшое, чёрное, с царапиной на крышке. Когда-то отец купил его на распродаже, потому что Арсену не хватало денег на настоящее. «Не жалуйся на инструмент, — говорил он. — Лучше сыграй так, чтобы он сам захотел звучать».

Арсен тогда злился. Ему казалось, отец нарочно превращает любой разговор в урок.

Теперь он снял с инструмента чехол.

Под пылью блестели клавиши.

Арсен сел. Провёл пальцами по нескольким нотам. Они отозвались хрипловато, чуть расстроенно. Он сыграл короткую фразу, которую помнил с тех лет, когда ещё сочинял музыку. Фраза споткнулась на третьем такте.

Он остановился.

Внутри было слишком много тишины. Такой, в которой даже несколько нот казались признанием.

Арсен поднялся и снова спустился в фойе. На стене висела старая афиша: золотые буквы, нарисованная звезда и название фильма, которого он не видел. Рядом белел прямоугольник посветлее — там когда-то висела карта города. Отец рассказывал, что её принесли в кинотеатр вместе с первой партией кресел. Арсен в детстве часами рассматривал её, придумывая, куда можно уйти, если однажды понадобится исчезнуть.

Он тогда выбрал Лион.

Телефон завибрировал. Сообщение от нотариуса: Покупатели готовы встретиться завтра в десять. Подтвердите, пожалуйста.

Арсен ответил: Подтверждаю.

Он не собирался оставаться в Париже. Закончит дела, передаст ключи, продаст кинотеатр и вернётся к работе. В Лионе его ждала квартира, несколько заказов и жизнь, которую он выстроил так, чтобы никто не мог внезапно попросить его вернуться.

Никто, кроме мёртвого отца.

Дождь за окнами усилился. Арсен прошёл в зал и остановился у пианино, стоявшего у стены под выцветшей бархатной кулисой. Он не помнил, когда в последний раз играл здесь. Может быть, в тот вечер перед отъездом. Может быть, ещё раньше.

Он сел и попробовал снова.

На этот раз мелодия сложилась почти сама собой. Несколько медленных нот, затем пауза, потом ещё одна фраза — осторожная, будто она не решалась войти в пустой зал. Арсен продолжал, пока не почувствовал, что горло сжалось.

Тогда он оборвал музыку.

В тишине послышались шаги снаружи. Кто-то остановился у заднего входа, за зданием. Арсен замер, прислушиваясь. Шаги задержались и затихли.

Наверное, прохожий искал укрытие от дождя.

Арсен закрыл крышку пианино и посмотрел на часы. Было поздно. Завтра он встретится с покупателями, подпишет оставшиеся бумаги и уедет.

Он повторил это про себя, как повторяют маршрут перед дорогой.

Завтра — и всё.

Но, уходя, Арсен не погасил свет в зале.

Глава 3. «Северная звезда»

Утром Париж выглядел так, будто ночного дождя не было.

Солнце пробивалось сквозь облака, подсвечивая мокрые крыши и витрины. Элианна шла по узкой улице с тубусом под мышкой и папкой документов в руках. В кармане пальто лежал конверт бабушки, а в сумке — реставрационные инструменты, которые она вчера едва не забыла в гостинице.

Она уже успела заблудиться дважды.

Первый раз — потому что свернула за запахом свежего хлеба. Второй — потому что решила проверить, на месте ли арка за старым кинотеатром. Арка была на месте. А вот золотистая линия на карте из письма по-прежнему никуда не объясняла.

— На работу, — напомнила себе Элианна и прибавила шаг.

Её временный контракт был оформлен через городской фонд сохранения исторических интерьеров. Задача звучала просто: обследовать и восстановить старинную карту, обнаруженную в бывшем кинотеатре «Северная звезда». Карта предназначалась для выставки, после которой фонд должен был решить, стоит ли включать здание в программу культурного наследия.

Последняя часть формулировки тревожила Элианну. Но в письме от фонда было ясно сказано: её пригласили как специалиста, не как представителя комиссии. Она не решала судьбу здания. Только карты.

У кинотеатра она оказалась без четверти десять.

Вчерашний ночной свет не обманул её: вывеска и правда была старой, с потускневшими буквами и звездой над входом. Дверь, которую она помнила запертой, теперь оказалась приоткрыта.

Элианна постучала и вошла.

Внутри пахло древесной пылью, камнем и чем-то едва уловимо сладким — может быть, старым бархатом. Фойе было просторнее, чем казалось с улицы. Высокий потолок уходил в полумрак, на стенах сохранились лепные узоры, а пол из тёмного паркета отражал свет из окон.

Всё вокруг нуждалось в заботе. И всё ещё было красивым.

Элианна остановилась у стены, где оставался светлый прямоугольник от снятой картины или афиши.

— Вы заблудились?

Голос прозвучал за спиной.

Элианна обернулась.

Мужчина стоял у входа в зал. Высокий, в тёмной рубашке с закатанными рукавами. На его лице читалась усталость человека, который спал мало и не рассчитывал, что день окажется лучше ночи. Он смотрел на неё настороженно — сначала на папку, потом на тубус, затем на бейдж фонда, приколотый к пальто.

— Доброе утро, — сказала Элианна. — Я Элианна Вейр. Реставратор. Меня прислал городской фонд.

Настороженность в его взгляде не исчезла. Напротив, словно стала плотнее.

— Значит, вы от них.

— Если под «ними» вы имеете в виду фонд — да.

— Они прислали вас осматривать здание?

— Нет. Я приехала из-за карты.

— Конечно.

В этом слове было столько недоверия, что Элианна невольно выпрямилась.

— У меня договор на реставрацию. Вот копия.

Она протянула папку. Мужчина не взял её.

— Вы уверены, что договор ещё действует?

— Мне вчера подтвердили время и адрес.

— Тогда вам подтвердили неверно.

Он отвернулся и направился к столу у стены. Элианна осталась на месте, не зная, последовать ли за ним или дождаться объяснений.

— Простите, — сказала она. — Вы владелец кинотеатра?

— Арсен Деверо. Да.

Имя показалось ей знакомым. Не из газет и не из документов — скорее, она вчера ночью слышала его за стеной, когда в зале играло пианино. Но, возможно, память просто пыталась соединить два случайных звука.

— Я не знала, что вы будете здесь.

— А я не знал, что фонд прислал реставратора до подписания сделки.

— Какой сделки?

Арсен взглянул на неё. Теперь в его лице появилось не только раздражение, но и настороженная внимательность.

— Вы не знаете?

— Нет.

— Покупатели должны приехать сегодня. Они приобретают здание.

Элианна медленно опустила папку.

— Но карта…

— Карта принадлежит кинотеатру. Пока что.

— В договоре фонда сказано, что её нужно обследовать на месте. Никакого упоминания о продаже здания не было.

— Возможно, фонд решил не рассказывать вам обо всём.

— Или вы решили, что я приехала мешать вам продать кинотеатр.

Арсен ничего не ответил.

Элианна посмотрела на его руки. На правом указательном пальце темнела полоска графита или машинного масла. Она заметила на столе рядом с ним документы, аккуратно разложенные по краю. Верхний лист был подписан. Арсен собирался продать здание, и её появление, видимо, выглядело как попытка всё усложнить.

— Я не представитель комиссии, — сказала она спокойнее. — И не могу запретить вам продавать кинотеатр. Моя работа — оценить состояние карты и предложить способ её сохранить.

— Для выставки фонда?

— Для начала — для того, чтобы она не рассыпалась.

Арсен чуть заметно усмехнулся, но улыбкой это не было.

— Если вы найдёте карту.

— Она не здесь?

Он помедлил. Затем указал на дверь в глубине фойе.

— В комнате за кассой. Отец убрал её туда, когда здесь начали ремонтировать потолок. Я ещё не успел проверить, в каком она состоянии.

Слово «отец» прозвучало иначе, чем остальные. Элианна не стала задавать вопросов.

— Тогда я хотела бы её увидеть.

— А я хотел бы сначала позвонить в фонд.

— Разумеется.

Он достал телефон и отошёл к окну. Элианна услышала несколько обрывков разговора: «договор», «не предупреждали», «осмотр сегодня», «нет, я не давал согласия». Затем Арсен замолчал, выслушал ответ и отключился.

— Они говорят, что ваше назначение согласовано, — произнёс он, убирая телефон. — Но времени на реставрацию нет. Покупатели будут здесь через час.

— Тогда начну с оценки. Это займёт меньше времени.

— А если карта повреждена?

— Я сообщу вам.

— И фонду?

— Им тоже.

Он изучал её лицо, будто искал в нём скрытый пункт договора.

— Вы всегда так спокойно соглашаетесь на работу, когда вас встречают недоверием?

— Нет. Иногда сначала пью кофе.

На этот раз его рот всё-таки дрогнул. Не совсем улыбка, но близко.

— Кофейня за углом уже открыта.

— Я туда не успею до приезда покупателей.

— Значит, вам понадобится кофе после.

— Если вы позволите мне осмотреть карту.

— Я ещё ничего не обещал.

— Но дверь уже показали.

Взгляд Арсена задержался на ней. На несколько секунд между ними повисло молчание — не неловкое, а будто ожидающее, кто первым решит, что всё это значит.

Потом он кивнул на дверь за кассой.

— Только ничего не трогайте, пока не наденете перчатки.

— Это я собиралась сказать вам.

— Тогда мы уже начали ладить.

— Не торопитесь с выводами, господин Деверо.

Он открыл дверь.

В небольшой комнате пахло картоном и пылью. У дальней стены на широком столе лежал длинный свёрток, обёрнутый в пожелтевшую ткань. Рядом стояла коробка с надписью «Северная звезда» — почерк был старый, но уверенный.

Элианна сняла пальто и повесила его на спинку стула. Достала перчатки и приготовилась к осмотру.

— Здесь прохладно, — заметил Арсен.

— Для бумаги это лучше, чем тепло и сырость.

— Вы всегда разговариваете с вещами?

— Только с теми, которые могут развалиться, если я не буду с ними разговаривать.

— И они отвечают?

Элианна подняла глаза.

— Не словами.

Арсен отвёл взгляд первым. На мгновение он показался ей не раздражённым хозяином, а человеком, который слишком долго находился в пустом здании и забыл, как звучит обычный разговор.

Элианна осторожно развернула ткань.

Под ней открылась карта Парижа, нарисованная на плотном листе с неровными краями. Река была обозначена бледно-голубым, улицы — тонкими коричневыми линиями. У нескольких кварталов сохранились подписи, выполненные старым почерком. В углу мерцала выцветшая золотая звезда.

Элианна перестала дышать.

На карте, почти незаметная среди линий улиц, тянулась тонкая золотистая черта. Она изгибалась, пересекала квартал и завершалась маленькой звездой — точь-в-точь такой, как на письме бабушки.

— Вы знаете эту карту? — спросил Арсен.

— Нет, — ответила Элианна. — Но кажется, она знает меня.

Он нахмурился.

— Что это значит?

Элианна не успела ответить. С улицы донёсся звук подъехавшей машины, а затем хлопнула дверца.

Покупатели приехали.

Арсен посмотрел на карту, потом на Элианну.

— У вас сорок минут, — сказал он. — Потом я должен освободить здание для осмотра.

Элианна склонилась над картой.

— Тогда лучше не терять ни минуты.

За спиной у неё Арсен задержался на пороге. А потом, вместо того чтобы уйти встречать покупателей, вернулся к столу и придвинул ближе настольную лампу.

Снаружи кто-то постучал в главную дверь.

Ни один из них не сразу отозвался.

Глава 4. Неверный поворот

В главный вход постучали снова — настойчивее.

Арсен взглянул на часы.

— Покупатели, — сказал он.

— Идти встречать не будете?

— Если они подождут две минуты, здание не рухнет.

— А если рухнет?

— Тогда у них будет больше поводов не покупать его.

Элианна посмотрела на него поверх карты.

— Вы всегда так говорите о месте, которое собираетесь продать?

— Только когда в нём слишком много людей, пытающихся решить за меня, что с ним делать.

Она не успела ответить. С потолка донёсся короткий металлический щелчок.

Арсен поднял голову.

— Что это было?

Секунду они прислушивались. Где-то в стене тихо зашумела вода.

Затем раздался глухой удар.

Вода хлынула с потолка прямо на стол.

— Карта! — крикнула Элианна.

Арсен рванулся к ней. В один миг комната превратилась в суматоху из падающих капель, хлопающей ткани и скользящих под ногами листов. Элианна подхватила край карты, не давая воде растечься по бумаге.

— Не поднимайте за угол! — крикнула она. — Она может порваться!

— Тогда скажите, что делать!

— Подложите что-нибудь плоское. Доску, крышку от коробки — что угодно!

Арсен схватил крышку от деревянного ящика и просунул её под карту. Элианна направляла его руки, придерживая хрупкий лист обеими ладонями. Вода продолжала литься, барабаня по столу и полу.

— Нужно перекрыть трубу, — сказал Арсен. — Запорный вентиль в подвале.

— Идите!

— Один я карту не спасу.

Элианна посмотрела на него. Он уже промок до плеч, но не отступал.

— Тогда несите её к двери. Только держите ровно.

Они подняли карту на крышке и осторожно вынесли из комнаты. Вода стекала по стене, заливая коробки и старые афиши. Арсен шёл спиной вперёд, а Элианна удерживала другой край, следя, чтобы бумага не прогибалась.

В фойе их встретили два человека в безупречных пальто. Один из них держал кожаную папку.

— Господин Деверо, мы уже начали думать, что… — начал он.

— В подвал! — перебил Арсен. — Вода льётся с потолка. Не стойте под стеной.

Покупатели переглянулись. Элианна успела заметить, как один из них посмотрел не на протечку, а на старые лепные детали.

— Я могу вызвать аварийную службу, — сказал мужчина с папкой.

— Вызовите. Но сначала отойдите от прохода.

Арсен посмотрел на Элианну:

— Касса. Там сухо. Положите карту на стойку и не оставляйте её одну.

— А вы?

— Перекрою воду.

Он уже направился к боковой двери, но Элианна окликнула его:

— Арсен!

Он обернулся.

— Не трогайте главный щиток, пока не узнаете, где вода. Если она дошла до проводки…

— Знаю.

— Хорошо. Просто хотела убедиться, что вы знаете.

Он исчез за дверью.

Элианна перенесла карту к кассе и осторожно опустила на сухую поверхность. Руки дрожали — не от холода, сказала она себе. Не от неожиданности. Она взяла чистую ткань и прикрыла карту, оставив края открытыми для воздуха.

— Вы реставратор? — спросил мужчина с папкой.

— Сейчас — человек, который пытается не дать вашей покупке превратиться в лужу.

Тот не нашёлся с ответом.

Из коридора донёсся грохот. Элианна снова бросилась к двери.

— Подождите! — окликнул её покупатель.

Но она уже была там.

У лестницы вниз вода собралась тонким ручьём. Элианна осторожно спустилась на несколько ступеней и увидела Арсена у стены. Он пытался открыть металлическую дверцу, за которой находился вентиль. Ржавый замок не поддавался.

— Подсветите, — сказал он, протягивая руку.

Элианна включила фонарик на телефоне.

— Нужен инструмент. Есть что-нибудь в подвале?

— Я ищу.

Он дёрнул замок ещё раз. Тот скрипнул, но не открылся.

— Отойдите, — сказала Элианна.

Арсен посмотрел на неё с сомнением.

— У вас есть волшебный ключ?

— Нет. Зато есть тонкая монтажная лопатка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.